

Б. А. РЫБАКОВ

Киевская летописная повесть о походе Игоря в 1185 г.

Рассказ Ипатьевской летописи о событиях 1185 г. должен быть рассмотрен не только как сумма сведений о походе Игоря Святославича, но и как отдельное историко-литературное произведение, самостоятельность которого определена еще К. Н. Бестужевым-Рюминым (1868 г.).

В составе Киевского свода конца XII в. Повесть о походе 1185 г. помещена на грани двух разделов: в первом (1179—1186 гг.) преобладает рука летописца Святослава Всеволодича, а во втором (1187—1196 гг.) — летописца его соправителя, Рюрика Ростиславича, использовавшего галицкие записи.

Эти летописцы отличаются друг от друга. Первый из них широко применяет церковную фразеологию и несколько наивно выгораживает своего князя. Торков Поросья он называет берендеями и мало уделяет им внимания. Отношение к Игорю у этого летописца отражает позицию самого Святослава — оно сдержанно-недоброжелательное. Летописец Рюрика — знаток военного дела, прекрасный стилист, объективно преподносящий факты. Церковных выражений у него почти нет. Торки именуются черными клобуками, и судьба их живо интересует этого автора. Отношение к Игорю у него доброжелательное. У каждого из летописцев есть своя формула написания имен князей-дуумвиров.

Повесть о походе 1185 г. не является произведением, написанным одним автором. В ней есть стилистические различия, противоречия и вставки, разрывающие первоначальный текст. В некоторых случаях сохранились явные следы пользования двумя разными источниками.¹ Сравним два отрывка:

Володимер же слашеть ко Святославу и ко Рюрикови и ко Давыдови и рече им. «Се половъци у мене, а помозите ми...» (стлб. 647) (далее следует подробный рассказ о задержке наступления князей из-за измены Давыда и о взятии Римова половцами).

Володимер же слашеться ко Святославу Всеволодичю и ко Рюрикови Ростиславичю, понуживая их к собе, да быша ему помогле... (стлб. 648) (далее следует краткий рассказ о том, что князь «повдихася сжидающе Давыда», и о взятии Римова половцами).

Левый отрывок, судя по именованию князей без отчеств, принадлежит летописцу Рюрика, а правый, с отчествами, — летописцу Святослава. Так как левый отрывок помещен первым, то мы можем думать, что сводчик положил в основу летопись Рюрика и пополнил ее данными летописи Святослава (в этом случае допустив дублирование).

¹ Ипатьевская летопись. — ПСРЛ, т. II, М., 1962 (в дальнейшем в тексте указаны столбцы по этому изданию).

Рассмотрение всего текста Повести подтверждает эту мысль. Вся первая половина ее, посвященная военной стороне похода Игоря, написана со всеми характерными особенностями летописца Рюрика: перечень полководцев, маршрут, темп марша, донесения разведки, точнейшая дислокация полков, ход битвы, имена воевод и половецких ханов. К этому нужно добавить явную симпатию к Игорю и аристократическое тяготение к боярству («не бяхуть бо добре смялися с ковуи, но мало от простых», — стлб. 642).

Вторая часть Повести описывает действия Святослава Киевского по отражению похода Кончака на Среднее Поднепровье. Летописец, очень почтительный к Святославу, раскрывает события лишь по мере того, как о них узнает Святослав, как бы заставляя читателя сопутствовать великому князю в его поездке по домену, по городам своих вассалов и театру военных действий. Последний раздел (о плене и побеге) содержит резкие противоречия в тексте, плохо сглаженные редакторской рукой: так, мысль о побеге Игоря из плена названа то «благой», то «высокой» (т. е. горделивой, самонадеянной), то даже «высокой и неугодной господу». Следует вспомнить, что побег Игоря ухудшил положение всех оставшихся в плену: «... а они вси держими бяху твердо и стрегоми и потвержаеми многими железы и казньми».²

Фрагменты текста, осуждающего задуманный побег, могут принадлежать только одному из предшественников автора Повести, так как противоречат всему ее духу (в ее окончательном виде). Из двух выявленных нами летописцев они могли принадлежать только летописцу Святослава.

Устами Святослава летописец уже выразил порицание Игорю за то, что он и его брат, «не воздержавше уности, отвориша ворота на Русьскую землю». Упоминание «юности» применительно к тридцатипятилетнему князю, ставшему год спустя дедом, звучит, пожалуй, иронически. Остатками этого же сдержанно-недоброжелательного текста следует считать рассказ о привольной жизни Игоря в плену, резко контрастирующий как с описанием «лютой туги» в Северной земле, когда «мнозе печаловаться и проливахуть же слезы за него» (т. е. за Игоря), так и с описанием положения других русских пленников, подвергавшихся истязаниям.

Итак, первый, самый обширный раздел Повести о походе 1185 г. следует связать с летописцем Рюрика, а второй (действия Святослава) и третий (побег) разделы — в значительной степени с летописцем Святослава.

Кем и когда были объединены эти разноречивые в своих оценках первичные летописные материалы? Редакторские вставки, иногда дополняющие, а иногда разрывающие основной текст, обнаруживаются во всех трех разделах. Все редакторские дополнения сделаны в пользу Игоря; иногда они нейтрализуют недоброжелательный тон используемых исходных материалов, порой усиливают рыцарственный и благочестивый характер речей Игоря, а кое-где парируют осуждения Игоря современниками за прошлые неблагоприятные действия, даже не упомянутые в сохранившихся летописях, как например разгром городка Глебова.

В некоторых случаях редактор проявлял излишнее усердие в своем стремлении оградить князя Игоря от возможных упреков. Такова знаменитая фраза о «черных людях», которым будто бы угрожало предательство князей и бояр. Поводом для написания редактором этой фразы послужило, очевидно, неправильное понимание одного места в использованном им тексте Рюрикова летописца: «Се же видихом полки половецьки, оже мнози

² Лаврентьевская летопись. — ПСРЛ, т. I, вып. 2, л., 1927, стлб. 400.

суть. Ту же ци вся суть совокупили? Ныне же поедымы черес ночь. А кто поедеть заутра по нас, то ци вси поедуть, но лучшии коньници переберуться, а самими — как ны бог дасть!» (стлб. 640).

В этой речи на военном совете Игорь говорит об изменении обстановки за последние полсуток и о необходимости ночного отступления. Преимущества отступления в том, что половцы утром не смогут преследовать русских всеми многочисленными полками, так как ехать вдогон смогут только лучшие половецкие всадники, от которых Игорь надеялся отбиться. Редактор (а вслед за ним и многие исследователи) неправильно понял «лучших конников» как русскую знать и в своем дополнении придумал благородную речь о «черных людях», которых грешно предавать.

По форме редакторские вставки очень риторичны и насыщены церковной фразеологией, чем четко отличаются от основного текста Рюрикова летописца.

Возникает соблазн приписать редактирование Повести самому составителю свода — историку-вители, выдубицкому игумену Моисею. Однако это предположение встречает непреодолимое препятствие в своеобразной лексике редакторских вставок, не находящей аналогии на всем протяжении Киевского свода. В качестве примера можно указать употребление слова «победа» в обратном смысле, как обозначение поражения. Так, по поводу поражения половцев в пятницу (в первой части повести) сказано: «Се бог силою своею возложил на врагы наша победу, а на нас — честь и слава» (стлб. 640). В уста плененного Игоря вкладываются слова: «Аз по достоянью моему восприях победу от повеления твоего, владыко, господи, а не поганьская дерзость обломи силу раб твоих» (стлб. 649). Приведенные примеры, во-первых, показывают лексическое единство вставок в разных частях Повести, а во-вторых, противопоставляют редакторские вставки тексту всех трех летописцев, принимавших участие в написании статей свода за 1180-е и 1190-е годы (игумен Моисей под 1180 г., Святославов летописец под 1184 г., Рюриков — под 1193 г. употребляли слово «победа» в обычном, прямом смысле).

Употребление слова «победа» в смысле «поражение» известно только в галицкой летописи: поражение на Калке описано как «победа на вси князи Рускыя»; об убитых в 1268 г. сыновьях тысяцкого сказано, что они «прияста победный конец».

Редактор, очевидно, был галичанином; в его вставках встречаются и другие галицкие особенности: «уноты» вместо «уныи» и «днина» вместо «день».

В Киевском своде за 1187—1189 гг. помещено много статей, рассказывающих о галицких делах. За исключением одной статьи, попавшей, очевидно, из более позднего летописания Романа Мстиславича, все галицкие статьи благожелательны к Владимиру Галицкому, брату Ярославны, шурину Игоря. Написаны они, по всей вероятности, в Киеве, человеком, знавшим галицкие дела и интересовавшимся Галичем («тогда бо глаголахуть тму бывшую в Галичи, яко и звезды видити середе дни, солнцю померькшую. В Киевской стороне никто же не види в ть час» (о затмении солнца 15 сентября 1187 г., — стлб. 655)).

Некоторые статьи написаны спустя несколько лет после самого события. Таков рассказ о злключениях Владимира Ярославича Галицкого, нашедшего около 1184 г. приют у Игоря; он написан не ранее 1188 г., так как Святослав Игоревич назван там зятем Рюрика.

Редакторские вставки в Повесть о походе 1185 г. тоже сделаны несколько позднее самих событий: раны Владимира Переяславского названы «язвами смертными», что определено только 18 апреля 1187 г.,

когда Владимир умер. Вполне возможно, что редактирование Повести о походе Игоря в 1185 г. производилось тем же галичанином-церковником, которым внесены в летопись Рюрика статьи о галицких делах, касавшихся главным образом шурина Игоря.

Причиной составления специальной повести, благожелательной к Игорю и полностью оправдывающей князя, открывшего ворота Полю, следует считать крутой поворот в политике Рюрика Ростиславича, происшедший в 1188 г., когда обострились его отношения со Святославом Всеволодичем и Ярославом Черниговским, уклонявшимся от борьбы с половцами. Назревал конфликт и с Романом Волынским, которому Рюрик впоследствии противопоставил своего союзника Владимира Галицкого.

В 1188 г. Рюрик заключает союз со Всеволодом Большое Гнездо и привлекает на свою сторону Игоря, раскалывая тем самым федерацию Ольговичей. Об этих союзах свидетельствуют браки малолетних детей: сын Рюрика торжественно обвенчан с восьмилетней (sic!) Верхуславой Всеволодовной, а дочь Рюрика выдана за двенадцатилетнего Игоревича. Таким образом, Игорь и Владимир Галицкий (а временно и Всеволод) оказались важнейшими союзниками Рюрика Ростиславича.

Если одна из киевских летописей, ведшаяся при дворе Святослава, осуждала действия Игоря, а мысли его считала неугодными богу, то при охлаждении отношений со Святославом и одновременном союзе с Игорем двор Рюрика должен был противопоставить такой обрисовке Игоря свою, более благожелательную. С этой целью и была составлена для летописного свода Рюрика специальная повесть о походе Игоря, опиравшаяся как на летопись Рюрика, так и на летопись Святослава; последнее можно было сделать Рюрикову хронисту до тех пор, пока холодные, но лояльные отношения между князьями-соправителями не перешли в открытое «нелюбье», т. е. до 1192 г.

Составитель повести не только отредактировал летописный материал, но и сделал ряд самостоятельных дополнений, выгораживающих Игоря. Важнейшим из них является «речь» Игоря на поле боя, разрезающая первоначальный текст.

Тема этой «речи» была выбрана автором очень обдуманно. Среди русских князей единственной жертвой полководческой неосмотрительности Игоря оказался молодой, двадцативосьмилетний Владимир Глебович, отважно оборонявший летом 1185 г. свой Переяславль от Кончака и получивший во время дерзкой вылазки смертельные ранения. К моменту составления Повести князь, пользовавшийся всеобщей любовью, скончался. А между тем всем было известно, что за год до злосчастного похода Игоря князья поссорились и из-за ссоры даже прервали совместный поход на половцев. Владимир, «оттоле идя, иде на Северские городы и взя в них много добыток» (стлб. 629). Игорь, очевидно в ответ, «много убийство, кровопролитье створих . . . не пощадех хрестьян, но взях на щит город Глебов у Переяславля» (стлб. 643). Враги не успели примириться.

Надо думать, что симпатии феодальных кругов Южной Руси были на стороне Владимира («Рюрик [и] инии вси [улюбиша], зане бе мужь бодр и дерзок и крепок на рати, всегда бо тосняся на добра дела», стлб. 652).

Когда же возникла необходимость в оправдании Игоря, летописец Рюрика постарался показать своего героя в роли кающегося грешника. И каляся Игорь именно в том, что он круто обошелся с родовым замком Владимира Глебовича. Выбор этой темы для риторической «речи» Игоря нужно считать удачным. По форме это дополнение составителя Повести блестяще и местами поднимается почти до уровня «Слова о полку Игореве»; лишь перегрузка церковной фразеологией несколько отяжеляет

его. Автор Повести заставляет Игоря произнести речь-молитву, в которой князь рассматривает свое поражение как справедливое возмездие за один определенный грех: «И тако в день святого воскресения наведе на ны господь гнев свой, в радости место наведе на ны плачь и во веселье место — желю на реце Каялы» (стлб. 642—643).

Вспоминая о взятии города Глебова, Игорь говорит: «...не мало зло подьяша безвиннии хрестьяни ... все смятено пленом и скорбью тогда бывшую, живии мертвым завидять ... И та вся створив аз ... недостойно ми бяшетъ жити. И се ныне вижду отместье от господа бога моего! Где ныне возлюбленны мои брат? Где ныне брата моего сын? Где чадо рождения моего? Где бояре думающеи, где мужи храборьствующеи, где ряд польчнии, где кони и оружья многоценьная?» (стлб. 643).

Обширной риторической вставкой автор отвлек внимание читателя от печальной картины поражения северских войск и показал виновника неудачи в наиболее выгодной роли жертвы господнего правосудия.

Последний стоящий перед нами вопрос — о точках соприкосновения Повести и «Слова о полку Игореве», имеющихя только в редакционных дополнениях составителя Повести. Их три. Во-первых, название князя по деду:

«Слово»

Слово о полку Игореве, Игоря, сына Святъслава, внука Ольгова.³

Летопись

В то же время Святославичь Игорь, внук Ольгов, поеха из Новгорода (стлб. 637).

Во всем Киевском своде есть 11 обозначений князя по деду. Семь из них применены в некрологах, когда князь назван по имени, отчеству и дедному имени для придания большей торжественности записи. В трех случаях имя деда понадобилось для определения мелких князьков, недостаточно известных читателям; их называли только по имени, без отчества: Мстислав, Гюргев внук (1162 г.), Роман, Вячеславль внук (1165 г.), Ярополк, Юрьев внук (1173 г.).

Таким образом, упоминание имени деда рядом с именем Игоря Святославича в Повести, написанной после 1188 г., является уникальным во всем киевском летописании XII в. и может быть поставлено в связь только с заголовком «Слова».

Во-вторых, обращает на себя внимание близость слов, вложенных авторами в уста Святославу Киевскому в связи с получением вестей о разгроме. Сравним:

«Слово»

Тогда великий Святъслав изрони злато слово слезами смешено и рече: «О, моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвелити» (стр. 51).

Летопись

Святослав же, то слышав и вельми воздохнув, утер слез своих и рече. «О любя моя братья и сынове и муже земле Руское! Дал ми бяше бог притомити поганяя. Но не воздержавше уности отвориша ворота на Русьскую землю» (стлб. 645).

В-третьих, точкой соприкосновения является упоминание реки Каялы:

«Слово»

...и жля поскочи по Руской земли (стр. 49).

На реце на Каяле тьма свет покыла (стр. 51).

Летопись

В радости место наведе на ны плачь и во веселье место — желю на реце Каялы (стлб. 643).

³ Слово о полку Игореве, Л., 1967 (Библиотека поэта, Большая серия), стр. 43 (в дальнейшем в тексте указываются страницы по этому изданию).

Внимательный к географическим деталям, летописец Рюрика точно обозначает место битвы — на берегу реки Сюрлий; он трижды называет эту реку, ни слова не говоря о Каяле. Река Каяла, река плача и печали,⁴ появляется только в более позднем дополнении автора Повести, написанном тогда, когда «Слово о полку Игореве» уже существовало.

Итак, летописную повесть о походе Игоря в 1185 г. следует считать особым литературным произведением, созданным в кругах, близких к Рюрику Ростиславичу, между 1188—1192 гг., с использованием двух одновременных киевских великокняжеских летописей. Автором ее был церковник, галичанин по происхождению.

Созданная в условиях союза Рюрика и Игоря, повесть должна была хотя бы частично нейтрализовать неблагоприятное отношение к Игорю, существовавшее издавна в кругах Святослава Всеволодича и отраженное в его летописи. В этом смысле повесть галичанина близка по своим целям к «Слову о полку Игореве», с которым он, по всей вероятности, был знаком. Повесть была включена в летописный свод Рюрика Ростиславича в процессе его подготовки (до 1192 г.), еще до того, как свод (в 1197 г.) перешел в руки игумена Моисея.

Возможно, что Повесть о походе 1185 г. — не единственное произведение этого автора: к ней очень близка Повесть о Липицкой битве 1216 г., написанная летописцем князя Мстислава Удалого, племянника Рюрика Ростиславича.

Во время княжения Мстислава в Галиче упоминается его духовник Тимофей, обличавший бояр библейскими текстами. Несколько ранее, когда в Галиче княжили сыновья Игоря, летопись упоминает их сторонника — «премудрого книжника Тимофея», родом из Киева, тоже выступавшего с церковными по форме обличениями. Быть может, в этом направлении и следует вести поиски автора Повести о походе Игоря в 1185 г.

⁴ Ср.: Е. В. Барсов, «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. III. Лексикология «Слова». — ЧОИДР, 1889, кн. 2, стр. 354—356; Л. А. Дмитриев, Глагол «каяти» и река Каяла в «Слове о полку Игореве». — ТОДРА, т. IX, М.—Л., 1953, стр. 36.